

ГОРОД: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА | **CITY: THEORY AND PRACTICE**

[https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5\(2\)-168-185](https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5(2)-168-185)

«Слушая город»: человек и soundscape урбанистического пространства

Д. Б. Терешкина

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия
terdb@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

звуковой ландшафт
городской текст
акустическая экология
русская поэзия
урбанистическое
пространство
новгородский текст
soundscape

АННОТАЦИЯ

Шум города – феномен, имеющий огромное значение для современного человека. Для городского жителя городские звуки, кроме деструктивного воздействия на психику, становятся «белым шумом», без которого горожанин уже не представляет своего комфорtnого ощущения в пространстве; для сельского жителя звуки города являются одним из факторов постижения и освоения чуждого ему городского пространства. Город, имеющий свой «голос» (например, древний вольный Новгород), описан в классической литературе, прежде всего русской поэзии XIX в., а также осмысливается живущими в нем людьми, каждый из которых выстраивает свои «саундтреки» в городском пространстве. Наше исследование, основным методом которого стало побуждение молодых жителей Великого Новгорода отразить в письменном тексте свои представления о шуме и звуках города, подтвердило научную гипотезу о том, что физическое (акустическое) восприятие шумовых и звуковых эффектов разных локаций города не становится звуковым образом города без их текстовой презентации для себя и для другого. Опрос, дополненный методами включенного наблюдения и интервью с жителями Великого Новгорода разных поколений и рода занятий, выявил общие тенденции понимания человеком его урбанистического окружения: не значимо то, что не описано. Традиции в отношении городского шума заключаются в осознании «акустической экологии» человека в городском пространстве и системы ограничений по уровню шума; новыми становятся тренды широкого использования шума города как художественного средства в медиа, музыке, рекламе и т. д., а также как психотерапевтического средства для создания шумового фона «обжитого», «человеческого» пространства, подобного чреву матери, где «белый шум» создавал атмосферу защищенности. Меняется, наконец, сам звуковой состав городского шума, отражая трансформацию городского пространства, а также облик и функции современного города в целом.

Для цитирования:

Терешкина, Д. Б. (2025). «Слушая город»: человек и soundscape урбанистического пространства. *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*, 5(2), 168–185. [https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5\(2\)-168-185](https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5(2)-168-185)

Финансирование:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Правительства Новгородской области, проект № 24-28-20343 «Концептосфера “новгородского текста”: база данных и интерпретация», <https://ias.rscf.ru/user/doc/a.w.p.2024.90.legacy/385822>.

“Listening to the city”: The human being and the soundscape of urban space

Daria Tereshkina

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
terdb@mail.ru

KEYWORDS

soundscape
urban text
acoustic ecology
Russian poetry
urban space
Novgorod text
sound studies

ABSTRACT

Urban noise is a phenomenon of great significance for contemporary humans. For city dwellers, urban sounds – beyond their destructive impact on the psyche – often become a form of “white noise,” without which the urban resident can no longer imagine a comfortable sense of being in space; for rural inhabitants, by contrast, the sounds of the city serve as one of the factors through which an alien urban environment is apprehended and mastered. A city possessing its own “voice” (for example, ancient free Novgorod) has been described in classical literature, above all in nineteenth-century Russian poetry, and is also interpreted by the people who live within it, each of whom constructs personal “soundtracks” in urban space. Our study, whose principal method involved encouraging young residents of Veliky Novgorod to reflect in written form on their perceptions of the city’s noise and sounds, confirmed the scholarly hypothesis that the physical (acoustic) perception of noise and sound effects in various urban locations does not become a sonic image of the city without its textual representation – both for oneself and for others. A survey, supplemented by participant observation and interviews with residents of Veliky Novgorod of different generations and occupations, revealed common tendencies in how individuals comprehend their urban surroundings: that which is not described is not perceived as significant. Traditions relating to urban noise are manifested in an awareness of human “acoustic ecology” in urban space and in systems regulating permissible noise levels. New trends include the widespread use of urban noise as an artistic medium in media, music, advertising, and so forth, as well as its use as a psychotherapeutic tool for creating a background of an “inhabited,” “human” space, akin to the maternal womb, where “white noise” generates a sense of protection. Finally, the very acoustic composition of urban noise is changing, reflecting transformations of urban space, as well as the appearance and functions of the contemporary city as a whole.

For citation:

Tereshkina, D. B. (2025). “Listening to the city”: The human being and the soundscape of urban space. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 5(2), 168–185. [https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5\(2\)-168-185](https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5(2)-168-185)

Funding:

The research was funded by the Russian Science Foundation and the Government of the Novgorod Region, project No. 24-28-20343 “The conceptosphere of the Novgorod text: database and interpretation”, <https://rscf.ru/project/24-28-20343/>.

Введение

Акустический облик города в последнее время становится одним из активно изучаемых факторов современного урбанистического пространства (Горгрова, 2024; Васильев, 2014). Осмысление звукового пространства окружающей человека среды с физических, этических, эстетических, педагогических и экологических позиций стало основным делом жизни канадского композитора, ученого-энциклопедиста Р. Мюррея Шафера, в 1977 г. опубликовавшего книгу «Настройка мира» («The tuning of the world») (Schafer, 1977), во многом сформировавшего терминологию этой области исследования взаимодействия человека с пространством. В рамках междисциплинарного подхода «акустические территории» бытования человека осмыслены в творческой манере Брэндоном ЛаБеллем (LaBelle, 2010). Шум города исследуется как травмирующая человека среда (Майорова, 2020), воздействие которой на жителей можно уменьшить при помощи правильно организованного городского ландшафта, в котором минимизировано воздействие техногенных факторов и увеличена доля рекреационных зон с преобладаниемозвучных человеку шумов и звуков природы. «Впервые о звуковом ландшафте города исследователи заговорили в 1960-х. Сегодня этот термин актуален как никогда: антропологи, урбанисты и саунд-дизайнеры пытаются понять, как настроить “тюнер” городской среды, чтобы люди могли существовать в комфортном акустическом пространстве» (Вяземский, 2021). Городская среда рассматривается также как площадка для формирования так называемых звуковых событий, каждое из которых может стать своего рода визитной карточкой того или иного города или основой туристического маршрута, так или иначе обыгрывающего акустические особенности местности или искусственно созданные объекты звукового воздействия на человека. Особое внимание уделяется организации городского пространства для незрячих людей, ориентирующихся в нем прежде всего при помощи слуха или «эхолокации» (Синицын & Запорожец, 2021, с. 675).

Традиционное восприятие шума города сводится прежде всего к так называемой шумовой экологии, то есть стремлению уменьшить техногенное воздействие на слух человека (машин, заводов, фабрик, котельных, коммунальных служб, коммуникаций и т. д.). Действительно, как только города стали достаточно густонаселенными, а производство стало не только соседствовать с местом проживания человека, но и исполнять роль «градообразующего» фактора (особенно для нестоличных и моногородов), остро встал вопрос о месте человека в городе, о возможности личности комфортно существовать в скоплении других людей и механизмов, их обслуживающих. Тогда первоочередной задачей стала организация рекреационных зон, наиболее свободных от урбанистических шумов и приближающихся к естественному шуму природы, болеециальному человеку как природному же существу. С пространством домов, общественных центров и офисных помещений работают саунд-дизайнеры. «Антропогенное воздействие шума как одного из физических факторов за последние годы существенно возросло. <...> В последние годы отмечается непрерывное повышение шумового фона городов. Серьезной проблемой также является воздействие шума в условиях производства и в быту. Поэтому обеспечение шумовой безопасности является крайне актуальной задачей» (Васильев, 2014, с. 299).

Soundscape города

Шум окружающей человека среды существует перманентно, и не только в городе. Однако именно в городском пространстве шум становится «саундтреком», поскольку прежде всего человек, а не природа определяет звуковое сопровождение жизни города. Наш взгляд касается не экологического, а семиотического, текстуального представления о шуме города, наше внимание сосредоточено на рефлексии человеком окружающего его акустического наполнения городского пространства и его осознания как своего рода звукового облика города. Мы рассматриваем шум города как часть локального текста, то есть комплекса высказываний (в том числе акустических) о городском пространстве. В концептосферу локального текста включаются звуковые концепты, создающие трехмерный образ города, не сводящийся к визуальным символам и ориентирам, хотя именно они являются главенствующими в уникальном облике современных городов: «подчинение городской планировки геометрической перспективе и увеличение масштабов города привело к тому, что визуальные знаки стали доминирующим способом разметки и ориентации современного мегаполиса» (Синицын & Запорожец, 2021, с. 670).

Концептосферу городского текста, в том числе акустического, можно схематично представить как систему «вложенных друг в друга акустических пространств (дворов, квартир, парков, дорог, магазинов), которые и формируют общий звуковой ландшафт» (Вяземский, 2021). Создаваемая в результате сложно организованная иерархия смыслов подобна соотношению всякого рода «сфер» (биосфера – техносфера – концептосфера – семиосфера – гомосфера – ноосфера), организующих семиотическое поле жизнедеятельности человека от первичных (природных) до высших ее форм (Симян, 2019, с. 174).

Как известно, город имеет текст только в том случае, когда этот текст создан и/или прочитан воспринимающим сознанием, в том числе текст звуков города. Только прислушавшись, можно понять специфику шума города как противоположного природе урбанистического «очеловеченного» пространства, а также как единичного, уникального пространства конкретного города (в область нашего внимания был включен Великий Новгород). Опрос, проведенный нами в группе студентов (38 человек) одного из вузов Великого Новгорода, выявил определенные закономерности в восприятии молодым поколением городского шума. Опрос проходил в условиях добровольности, анонимности и согласия респондентов (в том числе на публикацию их ответов) в форме развернутого письменного ответа на открытый вопрос, сформулированный в виде назывного предложения «Шум и звуки города» с устными пояснениями экспериментатора, что требуется отразить в ответе, какие звуки и шумы респонденты воспринимают в городе, на что обращают внимание, какие составляющие звукового пространства кажутся им благозвучными, какие – раздражающими. Горожане в возрасте 17–20 лет были избраны для опроса, поскольку привычка молодых «отключаться» от городского шума или не обращать на него внимание (в том числе при помощи наушников и других гаджетов) позволяет получить «чистые» результаты опроса: если шум города замечен молодыми, значит, он действительно для них важен, ими идентифицирован и осмыслен.

Городской шум для его современного жителя является настолько привычным фоном, что для того, чтобы сказать о нем что-то определенное, человеку приходится проанализировать свои слуховые впечатления («*Мне жаль, что только пару лет назад я полюбила гулять без наушников и осознала всю прелест городских звуков*»), вплоть до полного игнорирования этого фактора («*Я живу в спальном районе, и меня этот вопрос не кольшет*»). Примечательно, что сама просьба описать шум города ставит корреспондируемых в условие слуховой рефлексии: «*На шум я редко обращала внимание, воспринимая его скорее как фон, но благодаря этому заданию я хочу на обратном пути послушать шум [города]*», «*Излишнее количество шума приводит к тому, что мы почти перестаем обращать на него внимание (за исключением случаев, когда мы начинаем о нем задумываться, например, пока я пишу ответ на данный вопрос)*». В этом фоновом шуме выделяются в основном резкие и слишком громкие звуки (например, газующей машины или взрыва петарды).

В саундтрек города опрашиваемые включают как раздражающие, так и благозвучные шумовые эффекты: гудки машин, строек, техники, крики людей, аудиосигналы светофоров, дублирующие цветосветовые, гул толпы, лай собак, выгуливаемых по утрам и вечерам, шум и смех играющих детей, «*гудящие мотоциклы, проносящиеся по мостам города глубокой ночью*», звонки велосипедов, звук колоколов храмов, хруст льда и снега (по звуку можно почти точно угадать, какая погода за окном). Все это, дополненное яркими звуками природы, когда она «сильнее» звуков города (штурм, гроза, сильная метель и др.), составляет естественный и вполне благозвучный фон города.

Наиболее раздражающими являются лязг строительной техники, вой автомобильных сирен, звуки срабатывания сигнализации, скрипящий звук тормозящих автобусов, шум от дрифтинга автомобилей, треск триммеров при покосе городских газонов и придомовых территорий, шум, производимый соседями («*Еще я часто слышу звуки старого дома, которому без пяти минут восемьдесят лет: звуки крыши и неугомонных соседей, которые любят слушать громко музыку. Всегда задумывался: почему я сквозь стену слышу только шум мелодии, а не сам текст песни*»). Нетипичное в городском саундтреке также является раздражающим фактором: «*Пугают крики маргиналов, ночные крики*». Абстрагироваться от шума города помогают не только технические средства (наушники и в некоторых случаях беруши), но и внутренний диалог с самим собой, пение «про себя» («*Чаще всего мне мешает шум, потому что я привыкла к деревенской тишине, благоговению. Поэтому я стараюсь не замечать шума. Помогает внутренний голос, я пою в голове всегда*»).

Шум города связывают с высоким темпом его жизни: потоком быстро и громко движущегося транспорта, людей («*слышно, как спешат люди, которые вечно торопятся*»). Шум города ритмичен, согласно ритму человеческой жизни и ритму природы: днем он более урбаничен, ночью приближается к природным звукам тишины, пенияочных птиц, шелеста ветра; в таком звуковом режиме человеческие шаги запоздавших прохожих воспринимаются отчетливее, человек обретает свою индивидуальность, отделенность от дневной толпы и обезличенности. Влияет на восприятие городского шума даже погода: «*Если на улице светит солнце, я радуюсь любым звукам Новгорода, как будто сам город поет*».

Примечательно, что в шум города молодые респонденты включают шум визуальный, почти не разделяя каналы восприятия информации («назойливая реклама, огромные плакаты») и воспринимая обилие визуальной рекламы как фактор аудиального насилия («как будто кричат тебе»).

Шум города в разных частях различается. «Город в старых его частях хоть и выглядит мрачно, но взгляดываясь и вслушиваясь в эту его глухоту, немоту, чувствуешь соприкосновение с историей, с природой этого участка». В локациях с приятным для слуха наполнением возникает желание включаться в звуковую дорожку города: «Я очень люблю звуки Великого Новгорода. Особенно центра. В центре, в парке меня особенно одолевает желание ходить без наушников. В Кремле можно услышать отрывки рассказов экскурсоводов, а летом – игру уличных музыкантов», «Я живу в центре города и часто слышу шум города. Это либо городские работы, либо звук приезжающих туристов, которые впервые видят столицу старый город», «На окраине и там, где людей не так много, можно услышать вой ветра, пение птиц, иногда можно различить шум дождя», «Звуки в Западном (район Новгорода – Д. Т.) возвращают меня в детство. Торговая сторона дарит чувство тревоги, одиночества, старости. Псковский (спальный район города – Д. Т.) такой родной».

Городской саундтрек многосоставен. Он является композицией («ансамблем») звуковой дорожки мини-локусов, каждый из которых обладает уникальными звуками: «Звуки города – звучание объектов города, которые составляют его атмосферу и дополняют друг друга. Объявления поездов, разговоры людей, музыка на улице, дождь по подоконнику или крыше, шелест кроны деревьев».

Шум большого города отличается от тихих маленьких городков, причем масштаб города осознается также субъективно: «Шум Великого Новгорода ассоциируется у меня с кипящей жизнью. Я всегда его замечаю, так как сама из маленького города», «Мне тяжело на долгий период оставаться в больших городах из-за постоянного и длительного шума. Великий Новгород гораздо комфортнее в этом плане». В некоторых случаях рефлексия гораздо более тонкая: респонденты отмечают различия не просто в уровне шума, а в дифференциации звуков и ее причинах: «По моим наблюдениям в течение нескольких месяцев жизни, в Новгороде (студент приехал на учебу в вуз из небольшого города Боровичи Новгородской области – Д. Т.) гораздо реже слышится человеческая речь на улицах. Это, скорее всего, обусловлено шириной улиц и тротуаров, а также вошедшими в моду наушниками и телефонами». Этот же респондент указал, что в Новгороде, по его наблюдениям, больше воробьев, чем в его родном городе, но их (как и голубей) почти не слышно из-за шума города. В Боровичах больше машин с громко играющей музыкой из их окон (признак ментальности части жителей маленьких уездных городов), лучше слышны колокола храмов. Отмечает студент и тот факт, что в его родном городе «чаще встречаются дети возраста 8–12 лет, гуляющие небольшими группками, но их речь по качеству уступает речи новгородцев». Кажется важным указание на речевую компоненту городского звукового ландшафта: она, по единодушному мнению филологов, является одним из важнейших критериев культурной идентичности жителей того или иного локуса (всем известно извечное противостояние Петербурга и Москвы в области речевой практики его жителей).

Встречаются уникальные звуки, подмеченные единицами из опрашиваемых, – именно в их устах soundscape города вербализуется в почти художественном тексте: «Я очень часто в трудных ситуациях обращаюсь к своему городу: выглядываю из окна и прислушиваюсь. Раньше мне казалось, что мой район абсолютно не меняющийся, за исключением добавляющихся новых строений, но сейчас, выглядывая из окна, я могу услышать абсолютно разные “ситуации” города. Шум – суета города. Звуки – голос города»; «Праздничное гулянье на площади, музыка с которой разносится на весь город; громкий смех выпускников школы на набережных в июньские ночи; кристально чистая тишина в Старом городе – одном из районов города, что раньше называли Славенским концом; пение птиц в унисон журчанию воды в Рюриковом Городище; топот детишек на детских площадках; крики «Горько!» на Горбатом мосту под поцелуй молодоженов; крякающие утки около Ярославова Дворища... Звуки любви моей малой родины».

Заметим, что разные возрастные страты городского сообщества подмечают разные, релевантные для них, звуки окружающего пространства. Методы включеного наблюдения и интервью с жителями города (разного возраста и рода занятий) позволили определить различия в восприятии «партитуры» городской жизни. Так, мужчины, часто идентифицирующие соседей по их машинам, способны различить и звуки их моторов. Женщины соотносят жителей своего дома и близлежащих домов по детям и домашним питомцам, узнают их по голосам, чутко реагируют на признаки беспокойства или тревоги. Город живет не только суточными, но и сезонными ритмами: Великий Новгород как губернский древнерусский город и туристический центр, лишаясь большой армии студентов, разъезжающих на летние каникулы, наполняется летом голосами детей, приезжающих «на отдых» к бабушкам и дедушкам; в хорошую погоду городские и пригородные дворы кишат детьми дошкольного и младшего школьного возраста, а в выходные дни полны детей и городские парки. В летние звуки города включается шум велосипедов, самокатов, звуки перемещаемых по брусчатке чесоданов на колесиках, пожилых женщин, беседующих на скамейках и порой составляющих местные «женские коммуны», обсуждающие каждого и наблюдающие за порядком во вверенных им территориях.

Город представляет собой многомерное, разнообразное и живое акустическое пространство, подчиненное ритмам природы, человека и сообщества людей.

Литературные высказывания о шуме города

Город в его шумовом облике начинает изображаться русской словесностью еще с XIX в. В повести Д. В. Григоровича «Пахарь» (1856) город противопоставлен природе в сельской местности, где жизнь горожанина обретает иное значение. Из города, полного шума, резких звуков, скрежета, герой выезжает в тихую обитель природных звуков и тишины. «Город давно уже успел исчезнуть; исчезли постепенно и самые признаки городской суетливости; даже колокольный звон, долго покрывавший все остальные звуки, тонул и терялся в пространстве. Но все еще в ушах раздавались шум и трескотня улиц, грохот экипажей, хлопотливый говор, знакомые голоса и восклицания... Я страшно тяготился городом!... Тишина необыкновенная» (Григорович, 1856). В тишине вне города человек обретает новые качества иначе слышать мир. «Слух мой, освобожденный от трескотни города, получил страшную чуткость. <...> Влияние тишины, царствующей над полями, вполне

может быть доступно тем только, кто долго тяготился треволнениями жителейского моря, чей слух и чьи нервы многие годы постепенно тяготились и раздражались безумной суматохой города. Я чувствовал, как тишина вливалась в душу, и как делалось в ней и покойнее, и светлее» (Григорович, 1856).

Особое понимание города отразила поэзия модернизма («телесная связь» с городом В. В. Маяковского, образ падшего «города-блудницы» В. Брюсова, А. Блока, А. Белого, мечта о «городе-саде» в будущем) (Шмидт, 2007). Однако к середине XX в. город постепенно начинает восприниматься – в том числе в литературе – как «свое», привычное человеку, обжитое пространство. Поэзия XX–XXI вв. – это поэзия городских жителей по преимуществу. Город входит в жизнь человека как некое «лоно», привычная среда, в которой человек чувствует себя защищенным.

В стихотворении Давида Самойлова «Из детства» (1956) в ситуации переживания маленьким больным героем трагедии смерти великого князя Олега, описанной Пушкиным, квартира в многоквартирном доме советского города представлена как относительно уединенное место, расположенное среди подобных «нор» человеческого «общежития», и сравнивается с образами природы: «Осеннею мухой квартира / дремотно жужжит за стеной / И плачу над бренностью мира / Я, маленький, глупый, больной» (Самойлов, 1956). Физическую боль от болезни и душевное взросление от переживаемой истории об умершем досадной смертью князе ребенок легче переживает среди людей, обычных безвестных жителей обжитого, «своего» пространства.

Поэзия города мощным потоком входит не только в литературу, но и в кинематограф, живопись, искусство в целом. Город становится не просто вынужденным местом скученно живущих людей, но и самостоятельным живым организмом, индивидуальным, узнаваемым. Звуки города, с рождения входящие в жизнь человека, становятся привычными, приятными, дорогими. Шум города становится объектом поэтического осмысления и предметом эстетического переживания: «Голоса, телефонные трели, / Звук сирены, сигналы авто. / И рекламой щиты запестрели... / Мне бы в уши – беруши. И что? / Есть приятные звуки в столице? / Колокольный с утра перезвон, / Голубей воркование, птицы / И листвы опадающей стон» (Лескова, 2025), а привычный шум города является звуковой дорожкой, которую хочет слышать человек («Я хочу услышать шум города / Шелест колес и скрипты, / Я хочу услышать шум города / Визг тормозов и крики. / Я хочу увидеть шум города / Растворенной рекламой на баннере, / Я хочу увидеть шум города / Решеткой на канализационной яме») (Исааков, 2011).

Примечательным явлением последних полутора десятилетий стало почти полное исчезновение криков родственников (чаще – матерей) из окон домов, окликающих детей (вроде «Миша, домой!»): мобильные телефоны, с которыми дети начинают гулять самостоятельно с самого раннего возраста, исключили такую необходимость. Саундтрек дворов городских жилых кварталов наиболее изменчив, и, например, громкий разговор людей «через улицу» или «из окна в окно» может быть прерван самими собеседниками ироничной фразой «что мы с тобой, как в деревне». Замкнутость, акустическая гигиена плотного совместного проживания людей отличает городскую среду от сельской в рамках одного территориального образования и одних культурных традиций.

В этом смысле особый интерес представляет собой ситуация, поэтически изложенная Юрием Чичевым (1938–2021) в стихотворении «Шутка» (1971):

Однажды, в шутку, в час ночной прогулки,
(Хватило у меня тогда ума!)
В каком-то из арбатских переулков
Я крикнул: «Мама!» в сонные дома.

И вздрогнул переулок вспышкой стекол.
Я замер: слева, справа – каждый дом
Вдруг форточками-крыльями захлопал,
Как вспугнутая птица над гнездом.

И женские испуганные лица –
Как лики Богородиц из икон,
На них сейчас бы только и молиться, –
Возникли в рамках вспыхнувших окон.

Ушли из дома мальчики-мальчишки,
Кто много лет назад, а кто вчера,
И в каждом доме, домике, домишке
Грустнее стали дни и вечера.

Да, шутка прозвучала странно, дико.
Я, скованный стыдом, шагнуть не мог.
И кто-то сверху ласково и тихо
Сказал мне: «Ты ступай домой, сынок».

А ночи край белел в рассветной сини.
Я шел домой и думу нес одну:
Сумей мой крик промчаться по России –
Все матери прильнули бы к окну... (Чичев, 2005)

Охранительные функции города как сообщества «своих» становится признаком осмысления урбанистического пространства как естественной для человека среды обитания.

Новгород отражен в достаточно представительном перечне литературных произведений, которые хорошо изучены и в целом формируют тот локальный текст, что понимается как совокупность художественных текстов, посвященных определенному локусу (Новгородский край, 2009; Абраменко, 2011). Звуковые концепты новгородского текста не были предметом специального исследования, однако наиболее частотные из них зафиксированы. Это звук (звон) новгородского вечевого колокола, шум веча, плеск волн Волхова – как это описано в повести Н. М. Карамзина «Марфа-посадница», одном из самых известных из «новгородских» текстов классической литературы. В поэзии XIX в., особенно в творчестве декабристов, Новгород обретает не только значение некогда вольного города, навсегда утратившего свободу, но и «свой голос», присущий одушевленному существу. Примечательно в этом смысле стихотворение Д. Веневитинова «Новгород», в котором лирический герой вступает в диалог с вековым городом, который он посетил в первый раз и который для него – «место свято», где «воздух чище и вольней»:

Теперь ты сам ответствуй мне,
О Новград! В вековой одежде
Ты предо мной, как в седине,
Бессмертных витязей ровесник.

Твой прах гласит, как бдящий вестник,
О непробудной старине.
Ответствуй, город величавый:
Где времена цветущей славы,

Когда твой голос, бич князей,
Звучал здесь медью в бурном вече,
К суду или к кровавой сече
Сывал послушных сыновей? (Веневитинов, 1960, с. 86).

Голосом города метонимически становится звук вечевого колокола, и молчание Новгорода в ответ на вопрошение поэта свидетельствует о том, что голос этот пропал с потерей языка (буквально – колокольного, с увозом в Москву вечевого колокола Иваном III, и метафорически – индивидуальной речи). Эту же тему развивает М. Ю. Лермонтов в такой же форме вопрошания к онемевшему городу в стихотворении «Приветствуя тебя, воинственных славян / Святая колыбель!» (1832), а в стихотворении «Новгород» (1830) взывает к жителям когда-то вольного города: «Зачем вы мужеством упали? <...> Есть бедный град, там видели народы / Все то, к чему теперь ваш дух летит» (Лермонтов, 1988, с. 69). Э. И. Губер в стихотворении «Новгород» (ок. 1839 г.) описывает Новгород как мертвый город, у которого «сила отнята»: «Город воли дикой, / Город буйных сил, / Новгород великой / Тихо опочил» (Губер, 1944, с. 297).

Порешили дело...
Все кругом молчит,
Только Волхов смело
О былом шумит.

Белой плачет кровью
О былых боях
И поет с любовью
О старинных днях.

Путник тихо внемлет
Песне ярых воли
И опять задремлет,
Тайной думы полн. (Губер, 1944, с. 297–298).

Голосом утратившего вольность Новгорода становится «песня», «плач» или – молчание.

«Спящим», молчаливым предстает Новгород в стихотворении Н. А. Добролюбова «Посещение Новгорода» (26 июня 1858 г.). Но через этот сон словно сквозит прошлая бурная жизнь вольного города:

Еще мирно спит весь город,
Но его покой
Веет бурей жизни прошлой,
Вольной, удалой.

<...>

Все гласит в тебе о прошлом,
Вольной жизни край! –
Даже мост твой с надписаньем:
«Строил Николай»! (Добролюбов, 1969, с. 100–101).

В поэзии Л. А. Мая «голосами» Новгорода становятся Волхов и вечевой колокол, беседующие друг с другом («Вечевой колокол» 1840 г.), а также люди – «вечники», чьи голоса отражают неумолимый ход истории («Волхв» 1861 г.).

Художественное осмысление «голоса города» ретроспективно, оно направлено «вглубь» истории локуса – в отличие от непосредственной рецепции шума города живущих в нем людей, для которых история становится фоном жизни настоящей, происходящей здесь и сейчас.

Город как лоно

Современный человек антропологической (вне-природной) культуры – по преимуществу городской житель. Потому и положение его в городе определяется ощущением «своего пространства», даже если оно неидеально. В культовом фильме русскоязычного мира «Служебный роман», в котором Москва выступает не фоном событий, а полноценным объектом поэтического изображения, главный герой произносит известные слова: «В нашем городе чересчур много жителей, чересчур много приезжих, чересчур много машин. Все куда-то спешат, все куда-то опаздывают. Всюду толкотня, давка, очереди... Но все равно я люблю этот город. Это мой город. Это очень хороший город» (Рязанов, 1977, серия 1, 00:06:00–06:28).

Современное урбанистическое пространство в большинстве случаев не является чуждым его жителю. Наоборот: вне его человек испытывает если не первобытный страх незащищенности, то в лучшем случае дискомфорт. Подобный ракурс рассмотрения городского пространства контрастирует с тем, что наблюдается в конструировании визуального, социального и даже политического облика города, создаваемого современными поэтами: город приобретает «образ ветхого, заброшенного городского пространства, в котором возникновение новых типов социо-экономических отношений разрушительно оказывается на человеке» (Редкина & Черняк, 2018, с. 109). Звуковой ландшафт формируется другими, глубинными, глубоко индивидуальными связями с городским окружением человека. Белый шум города становится аналогом шума внутри материнского чрева, в котором формируется младенец (Heartbeat Sound – Sleep Sounds, 2017) – конечно, с поправкой на гораздо меньшую интенсивность и нелинейность акустических эффектов человеческого тела, создаваемых ритмом сердца, дыханием, транспортной системой жидкостей живого организма и др. (Антонец и др., 2011). Примечательно, что *body sound* («звук тела») в инверсивном варианте *sound body* в английском языке переводится идиомой «здравое тело».

Важно отметить, что одна из версий этимологии древнерусского слова «детинец» (одно из названий внутренней городской крепости, наиболее древней части города) как «чрева города», охраняющего своих «детей», а также историческое использование детинца (в нем спасались во время нашествия врагов прежде всего дети и женщины) является подтверждением наблюдения о сходстве существования человека в городе с формированием его в материнском лоне. В связи с этим вполне понятной становится практика аудиозаписи городского шума и использования его как звуковой терапии (в том числе для создания фона сна ребенка). Имеющиеся многочисленные Sound effects Library (Sound effects Library...) становятся бесплатным банком саундтреков, в том числе, городского пространства. В нем можно найти не просто городские, но и исключительно промышленные звуки – работающих теплоэлектростанций, заводов, котелен и др. (Релакс. Шум города, 2014) с характерными комментариями пользователей вроде следующего: «Мне достаточно форточку открыть и релаксировать! Окна выходят на “Уралмаш”. Когда нахожусь на даче, на природе среди леса – начинает все угнетать».

Интересен опыт описания звуков современного города слабовидящим новгородским поэтом¹, для которого слух становится основным чувством постижения мира. Город для него – разношерстная среда самых разных, но привычных явлений.

К ночи городок наш старится,
Чтоб к утру омолодиться.
У соседки снизу ставится
Чайник – и поет водица;
У соседей сбоку сонное,
Гипнотическое царство,
Что-то вовсе похоронное:
Сон – и пища, и лекарство;

<...>

Бытие горизонтальное,
Бытие по вертикали –
Что-то в этом есть фатальное,
Если б мы во все вникали.
Глушит атмосфера ватная,
Но, как в глубине портала,
Слышимость невероятная:

Слышу мир – на два квартала! (Князев, 2015).

Человеку в городе становится необходимым ощущение наличия рядом текущей жизни.

А иначе – тишина
Смерти маленькой подобна,
И смешались в гуще сна
Мир земной и мир загробный.

¹ Григорий Князев, выпускник филологического факультета Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, бывший студент автора статьи, любезно предоставил свои произведения для нашего исследования.

Пусть опять бес-сон-ни-ца:
Город мой гудит покамест.
Пусть движенью нет конца
То с моста, то снова на мост.

Только не смолкай, звучи,
В воздухе черти кривую!
Раз в глухонемой ночи

Слышу — значит, существую (Князев, 2024).

Звучащий город становится маркером бытия и бытийности человека в нем. Звуковой трек города – «пуповиной», связывающей человека с землей, которую он продолжает слышать, отправившись с рождением в индивидуальное, но не автономное существование.

Заключение

Анализ акустического облика города позволяет по-новому увидеть урбанистическое пространство как сложную семиотическую систему, в которой звук выступает не просто фоновым «шумом», а полноценным носителем смысла. Городская звуковая среда включается в локальный текст города наравне с визуальными, пространственными, речевыми и поведенческими кодами, формируя трехмерный образ локуса и задавая особый способ «прочтения» городской среды. В этом смысле soundscape оказывается не только объектом экологической «заботы» как шумовая безопасность, снижение техногенного воздействия и т. д., но и важным культурным ресурсом, иными словами, способом конструирования идентичности, эмоциональной памяти, переживания «своего» города как живого и говорящего организма.

Эмпирический материал опроса молодых жителей Великого Новгорода показывает, что даже при привычке «отключаться» от городской среды (с помощью наушников, гаджетов, намеренного игнорирования шума) акустическое пространство продолжает восприниматься ими как значимое. Респонденты различают раздражающие и благозвучные шумы, отмечают ритмику городской жизни, суточные и сезонные изменения звукового фона, локальные саундтреки отдельных районов, дворов, парков. В их ответах проявляется важная закономерность: шум города оказывается не только внешним воздействием, но и медиатором внутреннего состояния, триггером памяти, маркером «домашности» и эмоциональной привязанности к месту. Белый шум города, оставаясь часто неосознанным, тем не менее воспринимается как условие психологического комфорта, а его исчезновение является тревожной, «неестественной» тишиной.

Сопоставление эмпирических наблюдений с литературными репрезентациями Новгорода позволяет увидеть, как в культурной памяти локуса формируются устойчивые звуковые концепты: звон вечевого колокола, шум вече, плеск Волхова, а позднее гул индустриального города, приглушенный быт многоквартирных домов, интонации «голоса» города, обращенного к человеку. Если в классической литературе XIX – первой половины XX вв. урбанистический шум часто противопоставляется природной тишине, то в современной поэзии и повседневных практиках город все чаще осмысливается как «лоно», как защищающее и укрывающее пространство, где постоянное звучание становится условием переживания собственной включенности в жизнь. В таком ракурсе звучащий город воспринимается уже

не как агрессивный внешний мир, а как своего рода материнская среда, с которой человек связан, образно говоря, «акустической пуповиной».

Очевидно из эмпирического материала, что в индивидуальных высказываниях жителей Новгорода «голос города» оказывается одновременно и ретроспективным (отсылающим к историческому статусу вольного города, к его утраченному колокольному голосу), и глубоко современным: это шум транспорта, голоса детей, фоновое гудение бытовых приборов, фрагменты туристических экскурсий, городских праздников и ночной тишины. Тем самым акустический ландшафт локуса соединяет разные временные пласти. Можно увидеть долгий континуум: от «древних голосов» до сегодняшней городской повседневности. Все это превращается в своеобразный звуковой архив, где сосуществуют прошлое, настоящее и проектируемое будущее.

Важно отметить еще и то, что звуковой профиль города социально и гендерно стратифицирован. Разные группы жителей «слышат» город по-разному. Эти различия показывают, что soundscape может рассматриваться как поле индивидуальных, символических присвоений, где каждая группа выделяет релевантные для себя звуки и тем самым конструирует свой вариант локального текста.

В результате проведенного анализа городской шум предстает как значимый элемент культурной топографии города. Акустический облик Великого Новгорода демонстрирует, что звуки и шумы включены в механизмы формирования локальной идентичности, переживания принадлежности, образов «малой родины». Звучащий город выступает пространством, где пересекаются биологические ритмы тела, социальные ритмы сообщества и исторические ритмы локуса, в котором слуховое восприятие города оказывается не менее значимым, чем визуальное.

Библиография

- Абраменко, В. А. (2011). *Средневековый Новгород глазами потомков (на материале документов XVIII – начала XX вв.)*. Ростовский государственный университет путей сообщения.
- Антонец, В. А., Казаков, В. В., & Савинов, Д. А. (2011). Исследование звуковых полей, действующих на плод в утробе матери. *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского*, 4(5), 1969–1971.
- Васильев, А. В. (2014). Шумовая безопасность урбанизированных территорий. *Известия Самарского научного центра РАН*, 16(1), 299–305.
- Веневитинов, Д. В. (1960). Полное собрание стихотворений. Советский писатель.
- Вяземский, Ф. (2021). Внимание, звук в городе. <https://www.mn.ru/long/vnimanie-zvuk-v-gorode>
- Горгорова, Ю. В. (2024). Особенности архитектурного формирования туристически привлекательной звуковой среды города. *Architecture and Modern Information Technologies*, 3(68), 277–286.
- Григорович, Д. В. (1856). Пахарь. http://az.lib.ru/g/grigorovich_d_w/text_1856_pakhar.shtml
- Губер, Э. И. (1944). Новгород (из поэмы «Антоний»). В *Русские песни XIX века* (сс. 297–298). Художественная литература.
- Добролюбов, Н. А. (1969). Полное собрание стихотворений. Советский писатель.
- Исаков, К. (2011). Шум города. https://ruspioneer.ru/spetsarchive/m/single/30/single_job/11896
- Князев, Г. (2015). К ночи городок наш старится... <https://stihi.ru/2015/09/08/7792>

- Князев, Г. (2024). Длинных волн сердцебиение: стихи. *Дружба народов*, 1, 142–145. <https://magazines.gorky.media/druzhba/2024/1/dlinnyh-voln-serdczebiene.html>
- Лермонтов, М. Ю. (1988). *Сочинения. Т. 1.* Правда.
- Лескова, А. (2025). Звуки города. <https://www.chitalnya.ru/work/3941142/>
- Майорова, К. С. (2020). Звуковое действие и звуковое насилие: концептуальный словарь для описания городских конфликтов. *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*, 4, 55–67.
- Новгородский край в русской литературе (2009). Новгородский государственный университет.
- Редкина, Е. С., & Черняк, В. Д. (2018). Образ современного города в новейшей русской поэзии. *Филологический класс*, 1(51), 109–114.
- Релакс. Шум города. Урбанистический гул (2014). https://www.youtube.com/watch?v=ld4Wl6_6V6E
- Рязанов, Э. (1977). *Служебный роман: двухсерийный художественный фильм.* Мосфильм, Серия 1. <https://rutube.ru/video/9b8a20607f7a35bde58aaf51fd9d8348/?ysclid=micx7cszwx859508376>
- Самойлов, Д. (1956). *Из детства.* <https://davidsamoilov.ru/?r=2&m=3&s=383>
- Симян, Т. С. (2019). От биосферы до ноосферы: теория и практика. *Критика и семиотика*, 1, 173–197.
- Синицын, В. В., & Запорожец, О. Н. (2021). Практики ориентирования и самостоятельного передвижения незрячих людей в городской среде. *Журнал исследований социальной политики*, 19(4), 669–684.
- Чичев, Ю. (2005). *Обелиск на ладони: стихи, песни, поэмы, проза.* https://lit.lib.ru/c/chichev_j/text_0020.shtml
- Шмидт, Н. В. (2007). «Городской текст» в поэзии русского модернизма: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Российский университет дружбы народов.
- Heartbeat Sound – Sleep Sounds – 1 Hour: Heartbeat Sound of Human Heart and Pulse* (2017). <https://www.youtube.com/watch?v=OMqkv5RIPjk>
- LaBelle, B. (2010). *Acoustic territories: sound culture and everyday life.* Continuum.
- Schafer, R. M. (1977). *The tuning of the world.* A. A. Knopf.
- Sound effects Library for audio editing. Sound Dino. <https://sounddino.com/>

References

- Abramenko, V. A. (2011). *Medieval Novgorod through the eyes of descendants (based on documents of the 18th–early 20th centuries).* Rostov State University of Railway Transport. (In Russian).
- Antonets, V. A., Kazakov, V. V., & Savinov, D. A. (2011). Investigation of acoustic fields acting on the fetus in the mother's belly. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 4(5), 1969–1971. (In Russian).
- Chichev, Yu. (2005). *An obelisk in the palm of your hand: verses, songs, poems, prose.* [\(In Russian\).](https://lit.lib.ru/c/chichev_j/text_0020.shtml)
- Dobrolyubov, N. A. (1969). *The complete collection of poems.* Sovetskii pisatel. (In Russian).
- Gorgorova, Yu. V. (2024). Features of architectural formation of a tourist-attractive sound environment of the city. *Architecture and Modern Information Technologies*, 3(68), 277–286. (In Russian).

- Grigorovich, D. V. (1856). *The plowman*. http://az.lib.ru/g/grigorovich_d_w/text_1856_pakhar.shtml (In Russian).
- Heartbeat Sound – Sleep Sounds – 1 Hour: Heartbeat Sound of Human Heart and Pulse* (2017). <https://www.youtube.com/watch?v=OMqkv5RIPjk>
- Huber, E. I. (1944). Novgorod (from the poem “Anthony”). In *Russian Songs of the 19th century* (pp. 297–298). *Khudozhestvennaya literatura*. (In Russian).
- Isakov, K. (2011). *Noise of the city*. https://ruspioneer.ru/spetsarchive/m/single/30/single_job/11896 (In Russian).
- Knyazev, G. (2015). *By night our town is getting old...* <https://stihi.ru/2015/09/08/7792/> (In Russian).
- Knyazev, G. (2024). The heartbeat of long waves: verses. *Druzhba Narodov*, 1. <https://magazines.gorky.media/druzhba/2024/1/dlinnyh-voln-serczebiene.html> (In Russian).
- LaBelle, B. (2010). *Acoustic territories: sound culture and everyday life*. Continuum.
- Lermontov, M. Yu. (1988). *Essays*. Vol. 1. Pravda. (In Russian).
- Leskova, A. (2025). *Sounds of the city*. <https://www.chitalnya.ru/work/3941142/> (In Russian).
- Mayorova, K. S. (2020). Sonic agency and sonic violence: conceptual vocabulary for describing urban conflicts. *Moscow University Bulletin. Series 7: Philosophy*, 4, 55–67. (In Russian).
- Novgorod region in Russian literature* (2009). Novgorod State University. (In Russian).
- Redkina, E. S., & Chernyak, V. D. (2018). Modern city image in newer Russian poetry. *Philological class*, 1(51), 109–114. (In Russian).
- Relaxation. The noise of the city. Urban buzz (2014). https://www.youtube.com/watch?v=ld4Wl6_6V6E
- Ryazanov, E. (1977). *Office Romance: a two-part feature film*. Mosfilm, Series 1. <https://rutube.ru/video/9b8a20607f7a35bde58aaf51fd9d8348/?ysclid=micx7cszwx859508376>
- Samoilov, D. (1956). *From childhood*. <https://davidsamoilov.ru/?r=2&m=3&s=383> (In Russian).
- Schafer, R. M. (1977). *The tuning of the world*. A. A. Knopf.
- Schmidt, N. V. (2007). *The “urban text” in the poetry of Russian modernism*. PhD thesis. Peoples' Friendship University of Russia. (In Russian).
- Simyan, T. S. (2019). From the biosphere to the noosphere: theory and practice. *Critique and Semiotics*, 1, 173–197. (In Russian).
- Sinitsyn, V. & Zaporozhets, O. (2021). The practices of orientation and independent everyday mobility of visually impaired urban citizens. *Journal of Social Policy Studies*, 19(3), 669–684. (In Russian).
- Sound effects Library for audio editing. *Sound Dino*. <https://sounddino.com/>
- Vasiliev, A. V. (2014). Noise safety as a part of ecological safety of urban territories. *Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences History Sciences*, 16(1), 299–305. (In Russian).
- Venevitinov, D. V. (1960). *The complete collection of poems*. Sovetskii pisatel. (In Russian).
- Vyazemsky, F. (2021). *Attention, the sound is in the city*. <https://www.mn.ru/long/vnimanie-zvuk-v-gorode> (In Russian).

Информация об авторе

Дарья Борисовна Терешкина
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой
билингвального образования
Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого
Российская Федерация, 173003, Великий
Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41
ORCID: оooo-ooo2-2079-1116
e-mail: terdb@mail.ru

Information about the author

Daria B. Tereshkina
Dr. Sci. (Philology), Associate Professor,
Head of the Department of Bilingual Education
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St.,
Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation

ORCID: оooo-ooo2-2079-1116
e-mail: terdb@mail.ru

Материал поступил в редакцию / Received 14.05.2025
Принят к публикации / Accepted 02.06.2025